

ло хорошо. Ты слышишь меня, Господи? Ни о чем больше не прошу, Ты слышишь меня?

Нет, вы как хотите, но сказать, что Леон мстит вытащенной им из тюрьмы Линн Кроссбин, все равно, что сказать, что князь Дракула мстил своей любовнице! Отбери у него этот волнующий изгиб женской шеи, эту белоснежную кожу с пульсирующей на ней голубой жилкой, эту молодую кровь, что останется старому упырю, кроме сырой земли да дикого воя зимнего ветра над его могильной плитой?

Нью-Йорк

Ассамблея

Я анатомирую курицу. Делаю это с уверенностью квалифицированно-го хирурга, ибо тренируюсь трижды в неделю, когда варю бульон своему шестимесячному чаду.

Мама и журнал "Здоровье" утверждают, что куриный бульон укрепляет младенческие кости. Я с готовностью принимаю эту аксиому, еще не даваясь вопросом, почему столь неоспоримый друг нашего детства становится столь же коварным врагом нашей старости.

Я анатомирую курицу под мажорный аккомпанемент радиоточки, вещающей о непрерывно снижающейся себестоимости за счет не менее непрерывно повышающейся производительности. Завораживающее ее сладкозвучие не нарушает моей сосредоточенности, тем не менее, заставляет производить подсчеты, из коих следует, что восьмирублевый мой цыпленок давно бы должен достаться мне бесплатно. Мама говорит, что я слишком много хочу, и что восемь рублей — это тоже даром.

Тем временем вспоротая и распятая тушка обнажает свои внутренности и среди них белесую, непропорционально раздутую печень.

Мама ахает: "Это — цирроз!".

— Да, — предполагаю я. — У цыпленка, наверно, был пьющий хозяин.

— Сколько печенки! — прыгает от радости старший мой отпрыск, шестилетняя Ринка, и требует немедленно пожарить ей сей деликатес. Мама шумит по поводу халтурной ветслужбы на Привозе, а я трепетно вычитаю из суммы в шкатулке еще восемь рублей на нового цыпленка и в страхе делю остаток на дни до полочки.

Из парализующего арифметического транса меня выводит все тот же аккомпанемент радиоточки, сменившей на сей раз свои солнечные интонации на предгрозовую глас.

Еще неосознанное будоражащее чувство овладевает мной при сих торжественных звуках. В глазах у мамы испуганное недоумение.

"...Куда зовет их Голда Меир? — рокочет глас. — Домой? На землю обетованную? Своими ядовитыми щупальцами сионистский спрут надеется отравить сознание советского человека!.."

Мама тревожно вздыхает. Между тем наш зловещий защитник требует воздвигнуть заслон "проискам махрового империализма и мирового сионизма".

Придавленная всем услышанным, я рассеянно обращаюсь к маме: "Сионизм — это что?".

Мама начинает мучительно блуждать по закоулкам памяти и далеко на ее периферии находит следующее: "Сионисты — это жители города Сиона, который в древние времена находился где-то в Иудее у подножия одноименной горы".

— Ну и что? — недоумеваю я. Мама снова углубляется в мозговой лабиринт и возвращается оттуда не без добычи: "Кажется, в этом городе было много мудрецов".

Я пожимаю плечами: "Но разве это плохо?". Мама неопределенно кивает. Резкий звонок в дверь обрывает нашу начавшуюся было дискуссию.

— С Рождеством Христовым вас! Чтоб он был здоров! Придумал же родиться в такой мороз!

Квартиру наполняет неунывающий голос тети Эти, нашей соседки по двору, уже почти родни по стажу многолетнего дружественного сосуществования. Тетя Этя, потомственное дитя еврейской Молдаванки, что само собой подразумевает жаркий темперамент и национальное самосознание, которое, впрочем, не мешает ей состоять в благополучном браке с дядей Толей, добродушным мужичком, влюбленным в нее даже сейчас, на склоне лет.

— Мой уже нахлопался ради светлого праздничка, — беззлобно объявляет тетя Этя. Надо сказать, к слабости мужа она относится весьма снисходительно, считая ее, видимо, неотъемлемой принадлежностью русского человека. Она достает из кошелки заветную, обожаемую мной кутью и весело приглашает нас угощаться "заради Господа Христа ихнего". Удивительно, как одинаково свято и радостно чтит эта женщина христианские, иудейские и советские праздники. Если учесть к тому же все дни рождения ее потомков во втором и третьем колене, то нетрудно понять, что вкусное веселье в ее доме никогда не кончается.

Мама растроганно благодарит тетю Этю и грустно вздыхает.

— Что такое, Берта? — резонно удивляется тетя Этя. — Какие мешки вам спину давят?

Мама кивает на радиоточку: "Вы слышали?".

— Или! Чтоб им не дождать! — Этя на мгновение задумывается. — Но, между прочим, Берта, я ее не понимаю.

— Кого? — недоумевает мама.

— Голду Меир, кого же еще! Она себе зовет нас домой! Как будто это сесть и поехать в Бердычев! Или до нее не доходит, что даже за подумать об поехать пошлют совсем в другую сторону!

— Тетя Этя, а что такое сионизм? — неожиданно вступаю я в разговор.

— Сионизм? — пожимает она плечами. — Понятия не имею! Но, чтоб

мне с этого места не встать, ОНИ, — ее указательный палец выразительно устремляется вверх, — они этого тоже не знают. Скажу тебе одно, детка. Раз его шьют евреям, хорошего тут ничего быть не может.

И вдруг, встрепенувшись: "А тебе на что? Не бери дурное в голову. У тебя дети, которых, между прочим, нельзя кормить вот этой отравой, — она указала на печенку. — Выкинь ее на помойку вместе с цыпленком".

— Нет, нет, — протестует мама. — Это надо отнести им и показать, на что они ставят печать годности!

— Берта, вы меня удивляете! Что вам дороже: год здоровья или кг курицы?

— Но надо же их проучить! — не унимается мама.

Этя меряет ее снисходительным взглядом: "Ну, тогда заверьте эту печать у нотариуса и пошлите птичку заказной бандеролью в прокуратуру!".

В дверь снова звонят. На пороге Этина ближайшая соседка Анна Петровна, Нюрка, как уменьшительно ласково называет ее мама по праву старшего, хотя Нюрке уже тоже весьма за сорок!

— Ну, ну, — с деланным возмущением обращается та к тете Эте. — Тolia ее уже час ищет, а она вон где прохлаждается!

— Опохмелиться нечем? — скептически усмехается Этя.

— Не переживай, у меня опохмелился.

Нюрка — добрейшее существо, хотя и с ярко выраженным скандально-блатным налетом. Налет этот в сочетании с жадной общественной деятельностью, не нашедшей официального воплощения, сделал ее душой всех дворов нашего квартала, единодушно признанной "предводительницей дворянства".

Ни один акт гражданского состояния, ни один внутри- или междворовой конфликт немислим без ее самого горячего, родственного участия. Курит и матерится она по-черному, скандалит виртуозно, но неизменно первой приходит на помощь к любому, кто в этом нуждается. Действует в такой ситуации быстро, активно и безапелляционно, не оставляя у объекта и шага к отступлению. Нетрудно поэтому догадаться, что двери каждого дома нескольких близлежащих кварталов всегда широко открыты для нее. И мы в этом смысле не исключение.

К слову будь сказано, мама в нашей округе пользуется не меньшей популярностью, выступая, правда, в несколько иных ипостасях — как искусный спаситель от зубных болей и безотказный заговариватель зубов, то бишь целитель болей душевных.

Ибо каждый ее пациент открывает и закрывает рот не только по врачебной команде, но и для сокровенных излияний, коим мама большой

мастер сопереживать. Возможно, и поэтому десятилетиями верны ей признательные больные, несмотря на всю непримиримость советской власти к частнику-мироеду.

Судя по прижатой к щеке ладони, Нюрку привело к нам не только Рождество.

Осмотр пациентки производится тут же, на кухне — без рук и без инструментов — путем заглядывания в старательно распахнутый рот. Диагноз ставится немедленно и убежденно, после чего происходит метаморфоза превращения кухарки в жреца Гиппократата. Облаченная в белый халат, мама величественным, бесконечно далеким от суетных движений жестом приглашает больную: "Прошу!" и удаляется с ней в стерильно-лекарственный, бормашинно-жутковатый мир, откуда обе через полчаса возвращаются с чувством полного удовлетворения. Счастливая избавлением от изнуряющих мук Нюрка с удовольствием присоединяется к приятной компании, вступая в "оркестр" со свойственной ей активностью:

— Вы слышали? — с возмущением кивает она на радиоточку. — Израиль хочет сманить до себя наших евреев!

— Что значит "сманить"? — настораживается мама с болезненной остротой, свойственной любому еврею, когда "гой", даже самый дружественный, касается большого вопроса. — Почему "сманить"? Они зовут нас на землю предков, домой зовут, понимаешь?

Нет, Нюрка не понимает. Не понимает, а посему продолжает с возмущением: "За какой дом вы говорите, Берга? Или ваш дом не в нашем дворе? Или есть на Молдаванке такой зуб, с которым вы не знакомы лично? Такая скамейка в Одессе, где вы не как возле своих ворот?"

— И то правда... — вздыхает мама. В словах ее горькая недоговоренность. Я слышу ее. А Нюрка? Нет, Нюрка не слышит. Ей, чутко созвучной чужим болям, эту услышать не дано. А посему снова звучит ее воинственно-мажорный аккорд: "Так за каким чертом те сионисты вам душу буравят?"

— Слушай, а кто они вообще такие, эти сионисты? — вскидывается тетя Этя.

Нюрка обводит всех недоверчивым взглядом, но, не обнаружив подвоха, снова лихо бросает ногу в стремя: "Бандиты, кто же еще?"

— Где ты видела бандитов среди евреев?!

— Нет, вы только посмотрите на нее! Сейчас она мне скажет, что Мишка Япончик был раввином!

Этина карта, кажется, бита. Но не в ее характере оставлять за кем-либо последнее слово: "Бедный Мишка! — ухмыляется она. — Не дожил, чтоб узнать, что он — сионист!"

— Ничего, у него остались потомки.

При этих словах мы умолкаем. Спорить с Нюркой о мире одесской малины бессмысленно, ибо именно туда, как вглубь, так и вишьрь уходят все ее корни. Энциклопедичность ее познаний в этой сфере неоспорима. Мама только робко решается уточнить, приняли ли внуки по наследству славную корону деда.

На удивление, категорически утверждать этого Нюрка не может, а посему уклончиво кивает на кухонный стол: "Не всякий цыпленок успеваает стать петушком". Взгляд ее при этом задерживается на белесой печени и немедленно взрывается искрами: "Какой фармазон всучил вам эту болячку?". Поворот разговора столь крут и решителен, что через минуту мы уже почти убеждены: сие возмутительное куриное безобразие куда горячее сионистской опасности.

— Подсунули на базаре, — уныло оправдываюсь я, — с печатью, между прочим.

— Ах, твари! Паштет бы им на хлеб из этой хворобы!

Паштет вызывается сделать тетя Этя. Остается решить: кто пойдет угощать им? Когда? А главное: кого и как?

К сожалению, авторитет Нюрки, как верховного жреца справедливости, не выходит за пределы нашего квартала. Так что, хоть мы все и негодуем, но тактики мщения никто предложить не может. Этя, несмотря на весь свой боевой дух, по-прежнему остается на позициях непротivления злу ("Когда идет дождь, берут зонтик, а не ругаются с Богом"). Мама готова писать в газету, а Нюрка... Нюрка вдруг стремительно направляется на веранду и оглашает двор привычным для нее трубным гласом:

— Кира...а...а..!!

Кира — друг и единомышленник Нюрки, ее оруженосец, ее верный Санчо Панса.

И Нюрка уверена, что даже в этот рождественский мороз та непременно окажется где-то рядом и явится по первому же ее зову. Нюрка не ошибается. На Кирыном крыльце уже скрипит дверь вперемежку с ворчливым, но немедленным откликом: "Ша! Где тебе уже горит?"

— Зайди до меня, возьми в холодильнике цыпленка и неси его сюда.

Через три минуты Кира уже стоит на нашем пороге с желтеньким цыпленком в руке.

— Ни поспать через нее, ни поесть! — за деланным возмущением проглядывает искреннее желание войти в уютный круг.

— Вот поесть-то как раз есть чего! — всплеснув руками, вспоминает о

своей пузатой сумке Нюрка и начинает опорожнять ее. — Или я до вас только зубы рвать пришла! А ну, Инночка, носи рюмки! — через пять минут стол приобретает вполне именинный вид.

— Ну, будем здоровы! — решительно поднимает она бокал.

— Лехаим, — подтверждает тетя Этя, и все мы дружно чокаемся во славу Рождества Христова.

— Все это хорошо, — после минутной паузы вопрошает Кира, деловито закусывая. — Но причем тут цыпленок? — вместо ответа Нюрка кивает мне, указывая на свою похудевшую сумку: "Заверни-ка мне своего паралитика".

Кира переводит взгляд на "паралитика" и соболезнующе качает головой: "И рождается же такое! Ни тебе для жизни, ни тебе для бульона".

Кира склонна к философии, что, по всей вероятности, и привлекает к ней Нюрку, которая иногда нуждается в осмыслении своих спонтанных действий.

— Нюра, извини за выражение, — Кира любит интеллигентные обороты. — Для чего тебе этот недоносок?

— Заработать хочу.

— Болячку в бок, — уточняет тетя Этя.

Я спохватываюсь: "Сколько с меня за вашего цыпленка?!".

— Я тебе еще додачу принесу, — уверенно отмахивается Нюрка и швыряет сверток в сумку. Мама, позабыв о жажде мщения, дает задний ход: "Может, не надо? Этот цыпленок того не стоит".

— А мы? — сверкает возмущенно Нюрка. — Чего мы стоим? Или такое барахло, что стерним это?

— Ша, — спешит остудить ее Этя, — садись. Или сегодня не светлый праздник?

— Завтра к открытию Привоза мы там, — решительно, как о само собой разумеющемся, заявляет о своем участии Кира и помогает усадить Нюрку. Считая вопрос решенным, она уверенно переворачивает пластинку: "Как вам нравится эта Голда Меир? Вы слышали?".

— Еще бы! Дундят с утра до ночи. А ты что, — настораживается Нюрка, — надумала ехать до нее?!

— Я? Или она тебе говорила, что приглашает меня?

— А кого же еще? — усмехается тетя Этя.

— Я так поняла, что сионистов.

— Тетя Кира, — ловлю я ее на слове, — а что это такое: сионист?

— По-моему, — раскидывает мозгами Кира, — это еврей, который умеет хорошо заработать.

— Ты это только что придумала? — саркастически вопрошает тетя Этя.

— А иначе, почему на тех сионистов так горит наша мелиха?!

Железная логика Киры неоспорима. Однако Этию не так легко одолеть.

— А на кого она не горит? Или мой Толя ей не поперек горла? Так что?

— Но разве Толя столько зарабатывает?

Ответ вопросом на вопрос — излюбленный метод спора философствующей Киры. Способ, почти безотказно укладывающий противника на обе лопатки. Тем не менее, Этя не сдается.

К дискуссии подключается Нюрка, затем мама. Представительная ассамблея выходит на новый виток. Но я уже их не слышу. Я схожу с орбиты. Точнее, перехожу на свою, где ждет меня бульон в неразрезанном виде, где неумолимый бег стрелок грозит взорваться голодным плачем ребенка.

А утолить его не сможет ни одно, даже самое неожиданное, толкование загадочного зловещего слова.

Ложка прозрачного маминого бульона сегодня единственная живительная, непреложная истина для младенца.

